

Елена Гостева

3

Стрекозка Горгона
УЛАНЫ В УМАНИ

12+

Елена Гостева

Стрекозка Горгона Уланы в Умани

«Автор»

2018

Гостева Е.

Стрекозка Горгона Уланы в Умани / Е. Гостева — «Автор», 2018

Харьковский уланский полк в 1827 году перешел из Слобожанщины на Западную Украину, в район города Умани. Помещиками в этом регионе, в основном, являются польские паны. У офицеров складываются с горделивыми поляками непростые отношения. Уланы ухаживают за очаровательными полячками, заводят романы; паны-помещики пытаются им помешать. А жандармские офицеры, которые есть и в уланской дивизии, следят за офицерами, изыскивая признаки новых заговоров.

© Гостева Е., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Глава 1	5
История Слободских полков	5
Глава 2	7
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Елена Гостева

Стрекозка Горгона Уланы в Умани

Глава 1

История Слободских полков

Степное и лесное пространство между Доном и Днепром в прошлом рустовало и именовалась Диким полем, Диким, потому что служило коридором для кочевых татар меж Донским казачеством и Украинской гетманщиной. Через него крымские татары ходили на Русь, выбирая пути, где не надо было переплывать через глубокие и широкие реки, или те, где имелись броды. Например, печально знаменитый Муравский шлях начинался от крымского Перекопа и шёл до Тулы (всего 160 вёрст до Москвы). Книга «Большого чертежу» называла одиннадцать таких татарских шляхов.

Иван Васильевич Грозный, покорив Казань и избавив русские селенья от набегов с востока, обратил свой взор на юг и в 1571 году отправил князей Воротынского, Тюфякина и боярина Булгакова со стрельцами создавать сторожевую службу на пограничной линии, устраивать заставы. При его сыне Фёдоре Иоановиче заставы превратились в города Воронеж, Валуйки, Белгород, Курск, Ливны. Засечная, сторожевая линия понемногу передвигалась всё далее и далее от Москвы на юг. По велению государя на окраины переселялись, в первую очередь, служилые люди: стрельцы, дети боярские и русские казаки. Крестьян было мало. Кроме великороссов на Слобожанщину устремились черкасы: так называли жителей Правобережной Украины. На левом берегу Днепра они искали спасения от произвола польских панов. Чем сильнее притесняли православных людей в панской Польше, тем быстрее заселялось Дикое поле. Большинство нынешних слобожан – потомки тех черкас, то есть, православных русских людей, перебравшихся с правого берега.

В 1617 году 10 тысяч казаков из Запорожья поселились на реке Донец. В 1638 году запорожский гетман Яков Остряница с тысячью казаков, оставив пределы Речи Посполитой, с позволения московского царя поселился на месте нынешнего Чугуева вместе с московскими стрельцами. В 1640 году еще 5 тысяч черкас перешли под «высокую руку» русского царя. Краснокутск, Острогжск, Ахтырка, Харьков, Змиёв, Печенеги, Хорошево основаны выходцами из польских пределов. К 1654 году на Слободской Украине насчитывалось уже 80 000 жителей, состоявших из казаков, несущих военную службу и владельческих крестьян-подданных.

Массовый исход днепровских казаков на Слобожанщину начался в период восстания против Польши, поднятого Богданом Хмельницким. Хмельницкий изгнал поляков, присягнул русскому царю, но не все гетманы его поддержали. Россия не обладала в ту пору достаточной армией, чтобы помочь православным Западной Украины, потому присяга Хмельницкого русскому царю не восстановила спокойствия в тех землях. Одни из казачьих гетманов держали сторону Польши, другие – России, третьи – Турции. Да, были и те, кто не хотел подчиняться ни царю, ни королю и заключал договоры с султаном. Надеялись, видно, что султан далеко, и они, формально подчинившись Османской Империи, сохранят независимость, однако турецкие пашы и беки, коих посылал султан якобы им в помощь, не считались с мнением гетманов и вели себя в украинских землях, как самые жестокие грабители. В эти смутные годы количество переселенцев с правого берега Днепра на Слобожанщину исчислялось сотнями тысяч. Благодаря этому города среднерусской полосы были избавлены от набегов с юга. Удары татарских орд принимали жители Слобожанщины, прочно занявшие водораздел Днепра и Дона. Казаки,

бывшие гайдамаки, закалившиеся в частых стычках с гонористой шляхтой и с турками, умело противостояли набегам крымчаков. За охрану границы Московского царства от крымских и ногайских татар правительство освободило жителей края от уплаты налогов. Поселяне были «освобождены», и их селения назывались слободами: слобода Сумского полка, слобода Ахтырского полка, Харьковского, Изюмского...

Постепенно исчезла многовековая опасность со стороны степей, и край терял военный характер. Казаки превращались в мирных земледельцев, ремесленников, торговцев, казачьи старшины сближались с российским дворянством по своему быту и ментальности. Когда был завоеван Крым, надобность в сторожевых заставах совсем отпала, и вольные казаки стали облагаться такими же налогами и податями, и на них стали распространяться ограничения в правах, как и на крестьян центральной России. По манифесту Екатерины II от 1765 года казаки лишились привилегий и превращены в военных обывателей, обязанных платить подушный налог.

Последние вольности отнял Александр I, образовав на месте Слободско-Украинской губернии военные поселения. Говорят, Аракчеев – деспотичный, но далеко неглупый чиновник – на коленях умолял Государя не вводить на Руси военных поселений, ибо предвидел возмущение народа, но Александр, увлечшись [Шарнгорстской](#) системой комплектования армии, введенной в [Пруссии](#), был непреклонен: он воспламенился идеей перевоспитать русских на правильный европейский манер. И даже мощные бунты, произошедшие в России в 1817-1819 годах, не переубедили Благословенного, он выразился: «Военные поселения будут, хотя бы мне пришлось уложить трупамии дорогу от Петербурга до Чудова¹».

---

¹ Чудово – селенье на севере Новгородской области, где в ответ на организацию военных поселений вспыхнули бунты

Глава 2

Харьковский, как и другие Слободские полки, поначалу был казачьим, потом – уланским, гусарским, драгунским, а в 1827 году снова преобразован в уланский. Превращение драгун в улан было одной из важнейших тем разговоров местного люда, кровно связанного с полком: это можно было понять по обрывкам фраз, случайно подслушанных на почтовых станциях, в придорожных трактирах.

Перед поворотом к штаб-квартире Телятьев остановился, чтобы купить заманчиво пахнущих пирожков да семечек на маленьком базарчике. На нём была новая с иголки форма, сшитая по образцу из столичного военного департамента: синий мундир с отделкой белого и голубого цвета смотрелся элегантно и очень шёл Телятьеву. Пышнотелая торговка оценила, насыпая в кулёк жареных семечек, она улыбнулась широко:

– Який гарный кавалер до нас пожаловал! Новэнький, Ваше благородие? Из столыци, напэвно? Угощайтесь, да и в гости заходьтэ! – и, кивнув соседке, добавила. – А мундир до чого ж хорош! И шо той Маруськин постоялец крысится?

Отозвалась, видно, сама Маруська:

– Е з чого! Он только-только мундир обновил, уйму денег потратил, а тут новый шей, плати!

В разговор вмешалась ещё одна баба:

– Невже у офицера грошей немаэ? И тебе-то, Маруська, яка така кручина? Он вжэ для тебя без мундира милее. Невже не так?

– Шо ты городишь?! А? – взвизгнула и вскочила Маруська. – На шо поклёпы наводишь?!

Телятьев не стал наблюдать, чем закончится бабья перепалка, вернулся к карете, а его человек Васятка задержался возле торговки, пришлось прикрикнуть. Тот уже на ходу вскочил на подножку, оправдываясь торопливо:

– Хотел поглазеть, дойдёт ли до драки. Ничего смешней нет, чем когда бабы волосья друг дружке дерут!

– А если б и тебе досталось?

– Мне-то с чего? – искренне изумился парень.

– С того, что любопытной Варваре на базаре нос оторвали... – назидательно выговорил поручик.

– Не-е, Вашбродь, это не про меня... – беззаботно отвечивал тот.

Штаб находился на высоком холме в приземистом и широком одноэтажном доме. Скинув шинель Васятке на руки, Телятьев зашёл в указанную часовым приёмную, увидел в ней раскачивающегося на стуле тёмноволосого подпоручика с книгой в руках. Не поднимая головы, тот сообщил, перелистывая страницу:

– У полковника совещание, приказано не отвлекать.

– Не подскажите, надолго ль? – поинтересовался Телятьев.

Подпоручик оторвался от книги, окинул глазами посетителя, задержал взгляд на ордене, перевёл на эполеты, на лицо, снова на орден, на эполеты, и только тогда поднялся, отложил книгу на подоконник и, смущённо улыбнувшись, представился:

– Прошу прощения, думал, кто из наших... Подпоручик Дмитриев... Алексей Данилович...

Дмитриев оказался кареглазым крепышом среднего роста: пониже, чем Телятьев, а в плечах... (померяться бы!) ...в плечах, может, и шире. Улыбка его была искренней, милой.

– Телятьев Антон Андреевич, – и протянул Дмитриеву руку.

– Вы к нам в полк? – пожимая руку, спросил дежурный офицер и снова смутился. – Ах, простите, что я спрашиваю?.. В форме нашего полка... Откуда? – и снова перевёл чуток зависти-

ливый взгляд на орден Анны. Стало быть, вопрос заключался в том, где и за что поручик награду заслужил.

– Служил в Карабахе, в 42-м егерском полку.

– С персами воевали? – уважительно поинтересовался новый знакомец.

– Так точно.

Подпоручик немного помялся, потом дёрнул охраняемую им дверь и, заглянув, громко сообщил:

– Иосиф Романович, к нам новый офицер по назначению: поручик Телятьев. Прикажете подождать?

Ему что-то ответили, и подпоручик, обернувшись, прошептал:

– Документы при Вас? Давайте!

Забрал поданные Телятьевым бумаги, скрылся за дверью и через пару минут распахнул её:

– Заходите!

Полковник вышел из-за стола навстречу и протянул руку; он оказался высоким, стройным, светловолосым – типичный остзейский немец. А в целом штаб-офицеры и ротмистры (командиры эскадронов) встретили нового субалтерн-офицера менее восторженно, чем дежуривший в приёмной подпоручик: была настороженность, вопрошающее недоверие, что, впрочем, обыкновенно для людей, только что представленных друг другу. Подполковник Земцов – начальник штаба, сразу счёл нужным предупредить, мол, здесь не Кавказская линия, а там, говорят, распушенность в одежде, и устав не считается обязательным. Здесь своеволие, что позволяют себе кавказцы, не будет поощряться.

Полковник Анреп (кстати, граф) спросил:

– В документах сказано, что Вы обороняли Шушу, а потом и в битве под Елисаветполем принимали участие. Как Вам удалось побывать и там, и там?

Телятьев объяснил, что после снятия блокады с Шуши был направлен с донесением, пришёл к главной армии как раз накануне Елисаветпольской битвы.

– Это делает Вам честь, – похвалил полковник. – С донесениями отправляют самых надёжных офицеров. Я надеюсь, что и у нас Вы себя хорошо проявите.

Однако последовал вопрос, отчего поручик, чья карьера на Кавказе столь удачно складывалась, переведён оттуда.

– Не могу знать, – ответил Телятьев. – Приказ пришёл, когда я в госпитале находился. Могу лишь предположить, что удовлетворено моё прежнее ходатайство: по окончании учебы я подавал прошение зачислить меня в уланы, но тогда в уланских полках не было вакансий.

– О! Вон в чём дело! – поднял брови темноволосый ротмистр с узко поставленными карими глазами, весело оглядывая товарищей. – Мы-то ломаем головы, с какой стати наш полк из драгунского в уланский превратили, а оказывается: ради поручика Телятьева, чтобы его мечта сбылась!

Слова не возымели действия, на которое, вероятно, рассчитывал шутник: кто-то криво усмехнулся, кто-то недовольно поморщился, полковник сухо ответил ротмистру:

– Это было б неплохо. Если б только ради Телятьева переформирование затеяли, то вслед за его прибытием и на весь полк всевозможные привилегии и льготы посыпались бы.

– О да! – сокрушённо вздохнул начштаба. – Увы, на наши головы сыплются только новые требования да противоречащие одна другой инструкции...

Телятьев получил назначение в третий эскадрон, под команду ротмистра Эсса – белесого остзейца, в отличие от полковника, без титула. Этому очень обрадовался Дмитриев: он командовал взводом в этом же эскадроне и вызвался помогать Телятьеву во всём. Он же предложил и квартировать вместе с ним:

– Располагайтесь со мной, я снимаю неплохой домик... Хотя б на первое время, а ежели не устроит, другую квартиру подыщите.

Проболтав вечер, Дмитриев и Телятьев поняли, что им легко приходит к взаимопониманию по всем вопросам, и сообща решили, что незачем терять время на осмотры другого жилья. Вдвоём жить веселее, от добра добра не ищут.

Офицеры ввели поручика в местное дворянское общество. Он произвёл благоприятное впечатление, что, впрочем, неудивительно. Вроде бы, недурён собой, да к тому ж орден на груди – заурядное и распространённое украшение кавказских офицеров, но редкое в частях, расположенных внутри империи – романтизировал его в глазах мечтательных барышень. Дмитриев подтрунивал:

– Имеешь успех, Телятьев. Барышни гадают, на которой из них ты взор свой удержишь?

Что греха таить? Приятно было сие слышать, однако сходиться с кем-то поближе опасался. Выяснение отношений между Татьяной и Сергеем, скандал, коему Антон был свидетелем, в душу глубоко запал. Телятьев, конечно, обязан был принять сторону младшей сестры, отчитал Лапина: «слово дал, значит, держи!» – но в глубине души по-мужски сочувствовал ему. Всего ж восемнадцать лет выюноше, а уже погулять по-молодому, без оглядки, не имеет права, чтоб невеста привередливая себя не сочла оскорблённой! Другие гуляют, а ему – ни-ни! Причём сам же Лапин и лишил себя свободы: кто его за язык тянул, кто требовал, чтобы он предложение в столь раннем возрасте делал? Мог бы сперва, как все сверстники, пожить беззаботно, не стесняя себя никакими обязательствами, а потом и о женитьбе думать. Потому Телятьев решил, пока не нагуляется, избегать серьёзных отношений, и на заинтересованные взоры нежных барышень – дочерей местных дворян и старших офицеров – старался не обращать внимания. После, после, когда холостяцкая жизнь опостылеет...

Глава 3

Весной пришёл приказ о передислокации: вторую армию переводили ближе к границам империи на случай возможной войны с Оттоманской Портой. Осенью 1826 года в Аккермане с представителями султана было подписано мирное соглашение, в котором Россия не выдвинула никаких новых условий, только требовала соблюдать все пункты договоров, что заключались между империями прежде. Однако по поведению турок было не похоже, что они собираются выполнять взятые обязательства, наверное, надеются, что у России, воюющей с Персией, не хватит сил отвечать на их провокации. Бугская уланская дивизия подошла к самой границе, заняла Молдавию и Бессарабию, а четвёртой уланской, в которую входил Харьковский полк, был отведён район на западной Украине с центром в Умани.

При сборах была неразбериха, хаос, однако в назначенное время, как ни странно, всё оказалось упакованным, уложенным в полковые фуры и в походные кавалерийские саквы. Офицеры, занимаясь подготовкой обозов, подсчитывая амуницию, оружие, проверяя прочность фур, костерили начальство (полк ещё и переформирование не успел толком завершить, а уже в поход отправляют!), ругались друг с другом, но тут же мирились, утешаясь, что вот разместится полк возле Умани, и начнётся воистину райская жизнь. Там же полячки: остроумные, жизнерадостные, умеющие развлекать себя и гостей как никто другой. Каждый военный знает, что нигде нельзя найти большего удовольствия, увеселений всякого рода, как в польском обществе. Постоянные спутницы гарнизонной тоски армейца – карты – даже они бывали забываемы, если часть стояла в крае, обетованном для молодых офицеров: в бывших польских владениях, среди очаровательных полячек. Музыка, танцы, скачки на лошадях, охоту и любовь – стихию польских дам, вот что с вождением и нетерпением ждали в конце пути.

Прибыли в сей уезд в конце июня. Ожидания подтвердились: штабисты, приехавшие раньше и успевшие завести знакомства, привезли приглашения на бал, что давал граф Потоцкий. В поражающем изысканной роскошью графском дворце их приветствовали местные дворяне. Уланы к своей немалой радости подметили, что среди уманской знати количество дам соотносится с количеством штатских кавалеров примерно как дивизия с полком. То ли гордые шляхтичи, зная, что нынешний бал даётся в честь кавалеристов, не пожелали присутствовать при триумфе соперников, то ли в уезде их и было-то немного. Как во всех провинциальных городах, городках и сёлах империи, дочери помещиков оставались под неусыпным надзором папенок и маменек до замужества, а сыновья стремились выпорхнуть из-под родительской опеки раньше: они либо где-то служили, либо штудировали науки в университетах, либо путешествовали по заграницам. Дамы излучали счастье при виде бравых улан в парадных мундирах, зная, что сегодня-то ни одна из них не будет скучать возле стены, пряча за веером свою досаду, когда оркестр исполняет мазурку или гавот, а приглашённые на танец приятельницы в парах с кавалерами скользят, порхают по паркету. И танцевальные вихри закружили, подхватили удалых улан и счастливых панночек.

О, танцы, танцы: мазурки, польки, кадрили, вальсы, тот родился стариком, кто не любит вас! На волнах музыки чувствуешь себя словно парящим над землёй, легко порхаешь между барышнями, кружишь их, кружишься вместе с ними! Музыка подхватывает, как волна подхватывает лёгонькую щепочку, управляет движениями танцора, и подчинённые музыкальным ритмам ноги и руки выписывают такие па, такие причудливые кренделя, кои в спокойном состоянии, без влекущей за собой музыки кажутся невозможными. К тому ж – сияние оголённых плеч, шуршание дамских нарядов, мелькание ножек в шёлковых чулочках, кои обнажались под взмывающими вверх подолами, блеск кокетливых глазок, обнадёживающие улыбки... Как это всё пьянило, одурманивало! ...Феи, нимфы, богини, афродиты, веныры, терпсихоры! Каких только комплиментов в адрес дам не звучало сегодня!

Первую панночку, что пригласил Телятьев на кадрили, звали Розалия, вторую – Стефани, третью – Анна-Мария... Говорил им нежности, они строили глазки и кокетливо улыбались. Потом всё смешалось, перепуталось, уже не укладывались в голову ни имена, ни лица: поручик заблудился в сём благоухающем ароматами и сверкающем подзывающими взорами цветнике, где одна панночка краше, остроумней другой, и только улыбался каждой, приглашал на танцы уже без разбору, всех подряд. О да, недаром товарищи заранее восторгались полячками, предвкушали встречу с ними, как праздник.

И в столице есть юные красавицы, с коими молодому человеку хотелось бы поближе сойтись, но там строгое чопорное общество столько внимания уделяет соблюдению чисто внешних правил приличия, маменьки столько преград возводят перед кавалерами, что невозможно ни к одной подступиться! Бедная девица, как пленница, боится слово молвить: вместо того, чтоб ответить на адресованный ей комплимент милой шуткой, что, может, и вертится у неё на языке, стыдливо опускает очи и отмалчивается, дабы не прослыть вульгарной. Похоже, все те строгие правила этикета придумали обозлённые на мир уродливые старые девы, чтоб хорошеньких барышень и их поклонников мучить. А в полячках – никакой скованности, каждая смела в разговоре, весела, обаятельна. Вот, например, к одной красавице Телятьев подлетел одновременно с ротмистром Брюховецким, и оба пригласили её на танец. В столице у Телятьева был похожий случай, и тогда еле удалось избежать дуэли, девица отказала обоим. А панночка, умильно подняв бровки-домики, подумала мгновение, потом, указывая на кавалеров, сказала одному «Право», другому – «Лево», обернулась, выхватила из роскошного букета, стоящего у неё за спиной, космею и живо начала обрывать лепестки, приговаривая: «право», «лево», «право», «лево», и, подчинившись решению цветка, подала руку одному, а в ладонь другого вложила руку своей приятельницы. Сколь мило, весело, без обид – всё решило гадание на цветке! И никаких взыскательных взоров со стороны матрон, те и сами не прочь полюбезничать с офицерами, вспоминая молодость. Похоже, что девиз полячек – лишь бы не упустить шанс повеселиться, порезвиться, потанцевать! Что ни говори, а нежным столичным барышням живётся гораздо сложнее: маменьки, бонны и гувернантки запугали их, внушая, что главное – не оскандалиться! (И при этом те ж строгие маменьки закрывают глаза, если кое-кто из мужей их приятельниц давным-давно носит ветвистые, словно у северного оленя, рога.) Потому, милые прекрасные петербурженки, поверьте, офицеры боготворят вас, но намного свободней чувствуют себя вдаль, им пляшется и дышится вольготней в обществе провинциальных барышень, а от панночек они просто без ума.

Вдобавок ко всем немислимим сложностям этикета в столице у каждой барышни, выезжающей в свет, заведён специальный блокнотик, куда она кавалеров заносит: захочешь красавицу на танец пригласить, она открывает его и сообщает примерно следующее: «У меня расписаны следующие семь танцев, Вас я могу поставить на восьмой». И не дай Бог кавалеру со счёта сбиться, вспомнить о приглашении не перед восьмым танцем! Если раньше подбежишь, упреknёт в торопливости, а если позже – позор для девицы: она пропустила танец! – её брат или отец потребуют отчёта за такое «преступление», могут и на дуэль вызвать! Телятьев забыл о тех блокнотиках, приглашая миленькую заскучавшую девицу, потому и случился у него спор с гвардейцем, который записался к ней в начале бала, да видно, чуток запомнил и припоздал к началу танца. У местных барышень, к счастью для улан, никаких блокнотиков для длинной очереди партнёров замечено не было.

Телятьев, хоть и давал себе зарок не влюбляться, но чувствовал себя охмелевшим, очарованным. Пожалуй, не потерял окончательно голову, не отдал сердце ни одной из прелестниц лишь потому, что глаза разбегались: одна обворожительнее и живее другой. Вечер и ночь прошли, как одно прекрасное пьянящее мгновение! К утру за отворотом его рукава скопилось много визиток, приглашений посетить соседственные с Уманью панские мызы и фольварки.

Глава 4

Балы не отменяли службу, возвратясь в полк, нужно было решать свои вопросы: размещение и обеспечение солдат и лошадей, учения, марши и прочая, и прочая. К тому ж Телятьев до сих пор не приобрёл себе скакуна, то есть лошадей для денщика и под выюки купил, а такого, чтоб сразу было понятно – сие конь бравого офицера! – нет. Не попадался пока.

В воскресный день отправились вместе с Дмитриевым в соседнее село на ярмарку. К слову сказать, сёла в этом крае обширней, многолюдней, чем на севере России. В Петербургской губернии Телятьев навещался в два сельца, доставшиеся им с сестрой от отца: в одном четыре десятка дворов, в другом пятьдесят, и там они считаются большими, а здесь даже село в сотню дворов называют маленьким. И внешне сёла разительно отличаются от русских. На севере избы почти всегда стоят на угорах, и сами они, имеющие подызбицы, подклети, высоки. Деревню издалека видно. А здесь чаще всего сёла лежат в низинах, возле рек. Подъезжая, с холма сначала увидишь посреди пышной зелени яблонь, вишен, груш да огромных подсолнухов беленькую церковь, окружённую соломенными овальными скирдами. Спускаясь с холма, замечаешь под сими «скирдами» стены и догадываешься, что это и есть мазанки – глинобитные дома под соломенными крышами. На севере бревенчатые стены и тесовые крыши от времени темнеют, старые дома кажутся чёрными, и только освежают, облагораживая их, окна с белыми наличниками, здесь – всё наоборот. Въедешь в украинское село, и когда глаза твои находятся на уровне невысоких домиков, удивишься белизне их стен и тёмно-красным рамам находящихся почти у самой земли окошек. Некоторые хатки так вросли в землю, что и не видны из-за изгородей и частоколов, и над крышами возвышаются только одна-две церквушки да колодезные журавли.

Народ на торговой площади в этом селе был довольно разношёрстным: судя по костюмам, толкались здесь и хохлы с супружницами и дочерьми, были молдаване, армяне, евреи, поляки... Впрочем, после толчеи и пестроты восточных базаров, где Телятьеву довелось бывать, этот, малороссийский, не мог сильно удивить. Походили с Дмитриевым меж торговцев, да попусту: жеребцы и кобылы были приведены на продажу, однако крестьянские, пахотные. Для офицера – ничего подходящего! Собрались возвращаться, но путь преградила молодая цыганка, улыбаясь зазывно, умудрилась обоих схватить за рукава, предлагая поворожить. Телятьев, высвобождаясь, проговорил по-цыгански заученную с детства фразу, мол, отойди, ему уже всё предсказано. Черноглазая женщина от неожиданности отступила на шаг, быстро заварвакала по-своему, Антон её не понял – он же, в отличие от младшей сестрёнки, не пропадал дни напролёт в таборе, язык цыганский не учил, и потому уже по-русски добавил, отстраняясь от назойливой приставалы:

– Отойди, говорю! Не надо нам гадать.

Громкие возгласы молодки привлекли внимание других, вот и пожилая обернулась, начала приветливо уговаривать:

– Господин хороший, зачем отказываешься? – и вдруг тоже схватила Телятьева за рукав, уставилась в его лицо пристально, впила глазами, приоткрыв рот, словно бы узнавая:

– А кто ж тебе, милый, судьбу предсказывал? Часом, не Пелагея ли?

– Ну, Пелагея, знавал такую! – Телятьев хотел избавиться от бабы, но та не отставала, она словно допрашивала:

– Ак ты, красавец, не генерала ли Целищева внук?.. А? ... У тебя сестра Таня есть? Похож, смотрю...

– Так... есть! А что с того?

– Красавец мой! Признала я, не ошиблась! – смуглое лицо пожилой бабы счастьем озарилось, словно самого близкого, дорогого человека встретила. – Ай да хороший мой! Знаешь

ты, что Таня для нас значит?! Она внучку моему жизнь спасла! Не рассказывала ль она тебе? – и, оглянувшись, поискав глазами своих, цыганка закричала:

– Ило, Бахти! Сюда, сюда! – а рукав Антона так и не выпускала.

Подбежал быстроглазый цыганёнок лет пяти-шести, и только теперь она освободила поручика, обхватив обеими руками мальчонку, поставив перед собой, захлёбываясь от восторга, начала громко нахваливать внучка да благодарствовать:

– Гляди, господин, какой Бахти красивый! Уж до чего я люблю его! Ежели б не Таня, не было бы любимчика моего, красавчика моего на свете! Только благодаря ей живёт внучок мой! Она – спасительница наша! Поверь, каждый день о Тане вспоминаю, каждый день за неё молюсь, ворожу на счастье её! И ты – брат её, всё, что хочешь, проси, не пожалею!

Телятьев оторопело вытаращился на цыган: сестра когда-то спасла мальчика, что ж, она шустрая, вполне могла, но было неловко от благодарных слов, что сыпались на него самого. Сквозь землю готов был провалиться. Бросил взгляд на свидетеля сих похвал Дмитриева: у того глаза уже почти что из орбит вылезли, и рот в удивлённо-восхищённой улыбке расплылся, не закрывается, да и люд местный оборачивается с любопытством. Меж тем подошёл молодой кучерявый цыган, пристально глянул на ошарашенного молодого офицера и, прижав руку к груди с благодарной почтительностью, молча поклонился. А мать его не могла угомониться:

– Бахти, запомни господина офицера, сестрица его – твоя спасительница! С уважением всегда, с благодарностью подходи! Сынок, Ило, скажи, что я каждый день за здоровье, за счастье Тани молюсь!

– Так, господин офицер, всё так! Мы все за здоровье Тани молимся, – подтвердил Ило и снова поклонился.

– Напиши Тане, передай наши поклоны! – требовала цыганка.

– Хорошо, напишу. Но я-то при чём, зачем передо мной-то кланяться? – сконфужено улыбнулся Телятьев.

Цыганка поумерила пыл, обвела взглядом зевак, вздохнула и улыбнулась поручику уже снисходительно, принялась оправдываться:

– Не сердчай, господин, не брезгуй благодарностью моей. Таня – спасительница наша, я, как тебя увидела, так обрадовалась, так обрадовалась! Хоть через тебя Тане передать хочу, как я за неё молюсь, как благодарю! ...Ты сам-то на базар за чем пожаловал, что искал? Может, подскажу?

– Коня ищу, да нет подходящего.

– Коня? – переспросил Ило. – Сегодня ладных не было. Если хочешь, я визнаю, у кого кони хорошие есть, могу привести, если скажешь...

– Не отказался бы, только...

– Не бойся, господин поручик, тебя я не обману. Прикажи: в лепёшку разобьюсь, а достану скакуна: самого наилучшего!

– Приказывать не буду, а если найдёшь – не откажусь. Только красть не вздумай, не позорь...

– Нет, что ты! Зачем так думаешь? Разве ж тебе, Таниному брату, я посмею ворованного скакуна предлагать? Не бойся! Грех мне тебя обманывать!

На том и расстались. По дороге в полк Телятьев молчал, насупившись: не хотелось обсуждать ничего, но Дмитриев не утерпел:

– Телятьев, значит, и твоя сестра героиня: спасла цыганёнка. Как это?

– Отколь мне знать? Думаешь, мне с сестрой говорить больше не о чём, как о цыганах? Может, из реки вытащила иль из-под колёс.

– Но ты что злишься-то?

– А ты что глаза-то так пялишь?.. – сначала огрызнулся Антон, потом объяснился. – Прости, не обижайся... Неприятно всё это... Тараторка эта старая, может, и с добром ко мне, только криком своим весь люд базарный собрала, я чувствовал себя ослом, выставленным на продажу. ...Будь добр, не рассказывай в полку никому, а то будут насмешничать.

– Хорошо, не буду... Любопытно, приведёт цыган коня иль нет? И если приведёт, то не ворованного ли?

– Нет, если пообещал, красть не будет...

Глава 5

Через пару дней к Телятьеву подошёл Брюховецкий и предложил:

– Поручик, Вы ещё коня не приобрели? Я наутро на мызу к помещице Старжинской еду, она табун лошадей продать собралась, поедemте со мной, авось, там приглядите.

Поехали, взяв троих солдат. В дороге ротмистр жаловался, что обязанности ремонтёра слишком маетны и неблагоприятны. Всякий раз, закупаая лошадей для полка, приходится ещё и собственные деньги вкладывать. В распоряжении сказано, что солдатская лошадь должна стоить 150-180 рублей, сию сумму казначейство и выдаёт. С казёнными заводами недоразумений не бывает, а с частными владельцами, попробуй-ка, договорись! Как упрётся хозяин, что дешевле, чем по 250 рублей не продаст ни одной головы, что делать? Берёшь, приплачиваешь свои деньги, после, конечно, пишешь рапорт, что потрачено больше. А казначеи ещё неизвестно, возместят ли убыток, да и когда, сколько тянуть будут?

– А отчего нельзя всех лошадей с казённых заводов брать? Не хватает?

– То-то и оно, что не хватает... Вот выдано мне десять тысяч, хорошо бы хоть полсотни купить. Ну да ладно, что печаловаться раньше времени. Зато, говорят, у Старжинской две прелестнейшие дочери! Надеюсь, общение с ними искупит наши неудобства. Только, чур, поручик, здесь мне дорогу не переходить! Сначала я выберу предмет обожания, а Вы ухаживайте за сестрицей!

– Не буду спорить, – улыбнулся Телятьев.

Что ж, Брюховецкого Господь не обидел, с его внешностью можно рассчитывать на успех у дам. Вышел ростом и лицом, разве что излишне смугл для русского человека. Товарищи его в шутку цыганом именуют, а он объясняет, что у него один дед казак, другой – серб, фамилия досталась от казака, обличье – от серба.

Мадам, ах, пардон, пани Старжинская оказалось дамой среднего роста за сорок обычной для сего возраста комплекции, как принято говорить: весьма приятной полноты. Лицо сохранило следы былой красоты, и она тщательно сберегала её остатки: волосы, чернота которых казалась неестественно-ровной (похоже, крашенные), взбиты и уложены пышными буклями, нос напудрен, щёки подрумянены, брови подрисованы. Впрочем, подрисовка, беленье и подрумянение были исполнены с чувством меры и не превращали лицо пани, не изрытое пока морщинами, в карнавальную маску, как иной раз бывает с рьяно молодящимися старухами. Если пани уже поздно называть красавицей, то элегантною дамой с хорошим вкусом она, несомненно, оставалась. Старжинская встретила гостей любезно, а когда услышала, что офицеры приехали с деньгами, чтоб приобрести лошадей, лицо её совсем приторно-медовым стало.

– Я рада, господа, очень рада принимать столь дорогих гостей, вы нас осчастливили своим визитом, это – большая честь для нас... Продам лошадей, продам. Сей же час прикажу, – далее немного капризным тоном заворковала. – Однако прошу: со мной по вопросам продажи даже речи не заводите! Это к управляющему, а со мной говорить только о приятных вещах!

Она представила молодых офицеров своим дочерям: восемнадцатилетней Эмили и шестнадцатилетней Эвелине. Обе – кареглазые шатеночки, стройные, хорошенькие. Старшую, обладавшую прекрасной фигуркой и выразительными томными глазками с длинными пушистыми ресницами, вообще можно счесть красавицей. И, судя по живым остроумным ответам, она к тому ж была неглупа. Эвелина была похожа на сестру, но костлява: руки длинны и худы, ключицы остры. Худобой Эвелина напомнила Телятьеву его младшую сестричку, Таню, и он ничего не имел против, чтоб ротмистр приударил за Эмилией. В доме жили ещё Софи двенадцати лет и десятилетний Мечеслав. Софи – пухлощёкая девочка, а её талия вдвое превосхо-

дила талии старших сестёр. Поскрёбыш² Мечеслав, кажется, был любимцем матери и домашним тираном: очень уж капризно и надменно он вёл себя, а мать, обращая свой взгляд на сына, как будто таяла, лучилась от счастья. Мечеслав также был пышнощёк: няньки, наверное, находили необъяснимую усладу в том, чтобы ежедневно впихивать паничу в рот двойную, а то и тройную порции еды. Иль он сам обладал отменным аппетитом? Старжинская сообщила, что у неё ещё трое сыновей: один служит в Варшаве, двое грызут граниты наук в Краковском университете. А может, наоборот: двое в Варшаве, один в Кракове. Не упомянулось это, да и какая разница? Главное, их очаровательные сестрицы здесь.

День и вечер прошли в галантных любезностях, коими сопровождалась обед, прогулки по саду, вечернее музицирование: пение и игра на фортепиано. Озвучив цель приезда в начале знакомства, более ни ротмистр, ни мадам не заводили разговора о деле. На ночь их разместили во флигеле. Наутро по армейской привычке офицеры проснулись рано. Сами пошли искать управляющего, сонные дворовые указали на дорогу в село, обрисовали, где его дом, и где он с утра обычно бывает.

Управляющего звали Лейба, его офицеры нашли в шинке дающим наставления при слуге. Он оказался евреем в камзоле и панталонах до колен старонемецкого покроя, маленькой шапочке-кипе, причёска его была забавной: сзади волосы короткие, а впереди ушей выпущены длинные чёрные пряди. Он согласился обсудить сделку, оглядел внимательно покупателей и, учтиво поклонившись, тут же удивил встречным предложением:

---

² Поскрёбыш, последыш – последний из детей в семье

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.